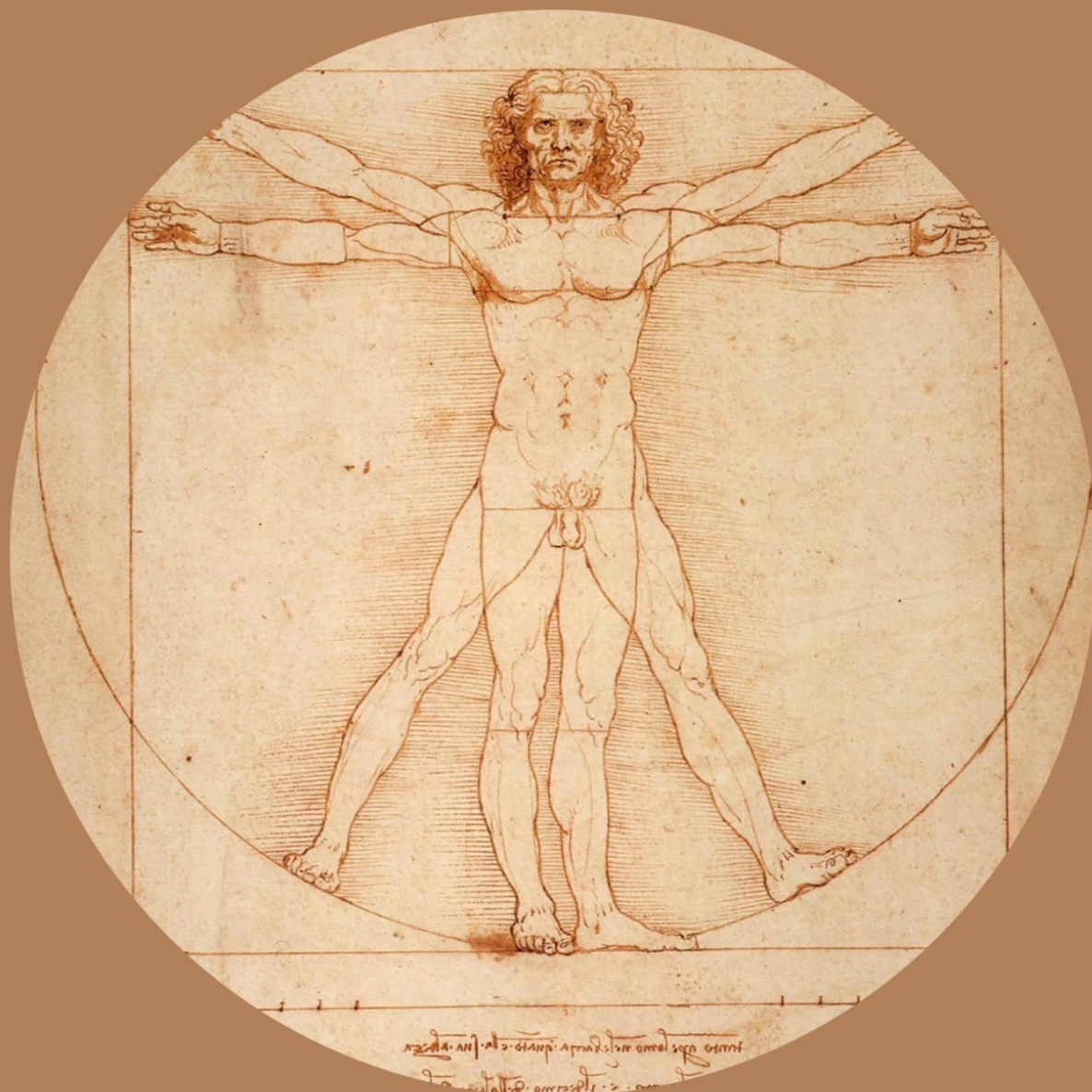


Павел Великжанин



ВАЖНО ВСЕ

СТИХИ

Павел Великжанин

Важно все. Стихи

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Великжанин П. А.

Важно все. Стихи / П. А. Великжанин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Можно вечно спорить о том, что важно, а что не важно. На самом деле важно
все.

Содержание

Слова встают с бумаги	6
В едином свитке	6
Запечатанный воздух эпохи	7
Рождение стиха	8
Самый любимый стих – это тот, который	9
Не закрываются страницы	10
Алхимик	11
Пушкин	12
Молодые поэты	13
Самосев	14
Эдельвейсы на Парнасе	15
Стриптиз	16
Стихов полночный час	17
Остаются стихи	18
Все истина	19
Магнитный полюс	19
Внутренняя рыба	20
Давно отдавлено нутро	21
Оксюморон	22
Без нас	23
Яло	24
Лучше не будет	25
Оптимист	27
Множество правд	28
Потаенные реки	29
Манекены	30
Не расплескать	31
Рассыплюсь	32
Другое Место Дж. Б. Пристли	33
И грянул гром	34
Движение	35
Настоящее	36
Гора и долина	37
Где финиш?	38
Из чужих страниц вырезаю буквы	39
Одна жизнь	40
Мотор сосет бензин похмельной жадой	41
Все в жизни может стать судьбой	42
А помнишь?	43
Предсказатели	44
В трамвае	45
Не подписывай картину	46
Вот и все, что в мире происходит	47
Ежедневное чудо	48
Пять истин	49
Кем-то из них	50

Марионетки	51
Два окна	52
Крысиные гонки	53
Реклама похожа на шнек мясорубки	54
Сам	55
Руками Родена	56
Картины ждут	57
Христу, приземлившемуся в Гродно (Посвящение В.С. Короткевичу)	58
Детское	59
У меня родился сын!	59
Четыре зуба	60
Зверюшки спать хотят	61
Грибы	62
Заботливый Леший	63
Это я ведь виноват	64
Хобот свой не суй, куда попало!	66
Доярка	67
Сумерки. Синий стих	68
Бабушка	69
ВРЕМЕНА ГОДА	70
Летний ливень	70
Затихли гремевшие гирями грозы	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Слова встают с бумаги

В едином свитке

Туман заполнил узких улочек листки,
Молочной тайнописи между строк подобен.
Слепцы-троллейбусы, держась за поводки,
Едва нащупывают Брайлев шрифт колдобин.

А я сижу в одном из них, к стеклу припав,
Как в перископ смотрю из домика улитки:
Вокруг меня – семь миллиардов смутных глав,
Что пишут – каждая себя – в едином свитке.

Запечатанный воздух эпохи

Озера Антарктики, что запечатаны толщей
С веков динозавров не знавшего таянья льда,
Хранят в себе воздух, которого нет уже больше.
Вдохнуть его сможем лишь раз: неизвестно, когда.

Застывшего времени капсулу вскроем однажды –
На миг опьянит первозданных лесов кислород.
Счастливей ли тот, кто пространства и времени жажды
Не знает, чем тот, кто все делает наоборот:

Кто не собирает камней для балластного трюма,
И кто не боится, что ветер порвет паруса,
А если случится, то, вычерпав истину рюмок,
Записку черкнет, у которой волна – адресат?

В бутылках стихов – запечатанный воздух эпохи.
Их путь в океане запутан и замысловат.
Старинную пробку открыв, замираем на вдохе,
Почти что не глядя на стертые солью слова.

Рождение стиха

Гул
смахнул
грозовой
нудный дождь грязевой.
Ток пустив по сидячим местам,
Стих, рождаясь, гремел, как состав грузовой
По ажурным нервюрам моста.

И вагон за вагоном летела строка
По созвучиям рельсовых пар,
Словно в каждом ударе небесных стрекал
Перегретый пульсировал пар.

Этот поезд, пройдя расписаний предел,
Оборвал рельсо-шпальную вязь
И над пропастью молнией перелетел,
Сам как будто мостом становясь.

И открылся в тайфуне мирской суеты
Понимания крохотный круг,
Где, застыв на мгновенье, нащупывал ты
В подсознании гаснущий звук.

Самый любимый стих – это тот, который

Самый любимый стих – это тот, который,
Если его не окажется в интернете,
Ты набираешь по памяти – все сто сорок
Строк – чтоб отправить девчонке – одной на свете.

И если, его прочтя, она не ответит,
Что у нее от стиха тоже сносит крышу,
В ленте утопишь страницу ее, как в Лете...
Жаль, что стихов таких больше почти не пишут.

Не закрываются страницы

Как дверь в театр, открою книгу:
Полюбоваться слов игрою,
Взглянуть на хитрую интригу,
И в жизнь вернуться... Но порою

Слова встают с бумаги плоской,
Объем и вес приобретая,
И с ними солнечной полоской
Восходит истина простая.

В ее лучах тускнеют лампы
И буквы надписей над входом,
И персонажи, через рампы
Шагнув, сливаются с народом.

И растворяются темницы
Бумагой скованных симфоний...
Не закрываются страницы,
В сердца вращая и в ладони...

АЛХИМИК

Временами плохими
Так писалось, что хоть не пиши,
И усталый алхимик
Отступал от реторты-души.

Он включал телевизор,
Погружался в насиженный быт,
Забывая про вызов
Философского камня судьбы.

Но копыта Пегаса,
Словно сердце поэта, стучат...
Электричество гасло,
Загоралась в потемках свеча.

Снова гений бесстрашный
Рвался в небо из тесных оков,
И графит карандашный
Становился алмазами слов...

Ливни солнечной краски
Смыли серость пейзажа с окна,
И принцессой из сказки
Правит кухонным балом жена.

Пушкин

Болдино. Холерные кордоны
Обложили эту деревушку.
Окружили погребальным звоном.
Будто смерть берет его на мушку.

Он работал. На бумаге серой
Из чернил, посыпанных песочком,
Как молитва вдохновенной веры,
Проступали пушкинские строчки.

Он у Бога не просил спасенья.
Удесятерив свои силы,
Он в бессмертье воздвигал ступени.
Он творил. И смерть повременила.

Едет он от болдинских околиц
В Петербург. Дописаны все драмы,
И поет поддужный колоколец.
Только смерть – злопамятная дама.

...Над Невой опять метель задула.
«Секундант, дистанцию отмерьте!»
Вечность на него глядит из дула.
Смерть – ступень последняя в бессмертье.

Молодые поэты

Вечно жива эта шумная братия,
Пусть даже песни ее не допеты:
В строгих учебниках и хрестоматиях
Смотрят на нас молодые поэты.

Кто на портретах, а кто – фотографиях.
Есть бородатые, больше – безусых.
Сами слагали себе эпитафии
Эти язычники да Иисусы:

Кто-то – частушку, а кто-то – элегию.
Но и посмертно не выглядят кротко.
Вечная молодость – их привилегия,
Данная пулей, болезнью и водкой.

Самосев

Я рос самосевом, я рос самосадам,
Без всяких теплиц, удобрений, прополки.
Спектакли, концерты и книжные полки –
Мне все это было ни капли не надо.

Ведь я сочинял хулиганские песни.
Бренчал во дворах. Задирал пионеров.
Щетина стихов не желала – хоть тресни! –
Влезать в аккуратные рамки размеров.

Но что-то такое во мне, видно, было:
Очкастый профессор, услышав однажды
Строку про любовь, что случайно простыла,
Сказал, что такое напишет не каждый,

Что в литинститут без экзаменов примет...
Чернил утекло с разговора об этом!
На сотнях обложек мое нынче имя,
Но, бреясь, давно я не вижу поэта.

Эдельвейсы на Парнасе

Мы на Парнас, к вершине той,
По склонам лезем. Будь что будет!
Наверх! А снизу люд густой
Следит, оценивает, судит:

«Смотри, тот вырвался вперед!».
«А этот вон едва ползет».
Им иерархия видна
От самой выси и до дна.

А горный воздух нас пьянит.
Такой простор: хоть птицей взвейся!
И неприметные на вид
Цветут стихами эдельвейсы.

Пускай волнуется толпа:
Когда, и кто, и что свершили –
Своя у каждого тропа,
И дело вовсе не в вершине.

Стриптиз

Как в старом замке в Дании,
В моей квартире тишь.
Чай стынет в ожидании,
Но ты не позвонишь.

Лишь ночь неслышной лапою
В окошко постучит.
Зачем же я царапаю
Бумагу – не гранит?

Листочки нервной кучкою
Все хлопают на бис,
И по бумаге ручкою
Свершается стриптиз.

Стихами и куплетами,
Горячкой глупых фраз
Душа моя раздетая
Танцует напоказ.

Куда уж откровеннее:
Как голым – на балкон.
Но даже на мгновение
Не звякнет телефон.

В квартире только он и я
Из всех живых существ,
Да горькая ирония,
Похожая на шест.

Надежда – сахар тающий.
Все звуки здесь тихи.
Но душераздвающе
Отчаянны стихи.

Стихов полночный час

Стихов полночный час. Пора!
С души ободрана кора,
Строка на кончике пера –
Как сжатая пружина.

И распрямляясь в полный рост,
Она все тянется до звезд,
И мне нельзя покинуть пост
Бессонного режима.

Полночный бред: строки зигзаг
Уходит за края бумаг;
Я рад, что все творю не так, –
Волшебник-недоучка.

... Но сон сильней. Мы все уснем
Прозрачным утром, ярким днем,
И стих останется вдвоем
С поломанною ручкой.

Остаются стихи

Ночь доела закат,
как остывшую макаронину.
Все, чем был ты богат,
навсегда под землей похоронено.
Но приходит рассвет,
и поля новой кровью тюльпанятся.
Остаются стихи,
даже если ничто не останется.

Все истина

Магнитный полюс

Я вбиваю ноги-гвозди
В деревянную планету,
Рву тугих созвездий грозди
И вино давлю из света.

Не досталось мне водицы
В чистом дедовском колодце:
Разжиревшие мокрицы
Прошлым чавкают в болотце.

Тут – стишки соплёй марают,
Там – с ухмылочкой вампирской
Все быстрее умирают,
Задыхаясь под копиркой.

В центре жадной круговерти,
Где сердца зашлись в чечетке,
Я плыву рекою смерти,
Режу стрежень носом лодки.

В ней полно мышинных дырок,
У весла отбита лопасть.
Я – магнитный полюс мира,
Улетающего – в пропасть.

Внутренняя рыба

Рыба плывет во мне полмиллиарда зим:
Каждый ее фрагмент, каждый ее фермент
В клетках моих живет, помня палеозой.
Капля предвечных вод схожа с моей слезой.

Чем я в потоке дней глубже в себя вникал,
Тем на руке видней линия плавника.
Сердце заденет вдруг скользкая чешуя:
Так завершает круг лодка Иешуа.

Сетью сплетенный нерв рыбе бросай в прибой:
То, что поднимешь вверх, и назовут – тобой.

Давно отдавлено нутро

Давно отдавлено нутро
Тисками тесноты.
Стоишь ты, сплющенный в метро
Такими же, как ты.

Из легких воздух выжат весь
До нормы ИТК.
Людская распирает взвесь
Вагонные бока.

Чужие ауры в тебе
Впечатывают след.
Летишь куда-то по трубе,
Не видя белый свет.

И вот – конечная. Трубят:
"Освобождай вагон!"
А что осталось от тебя?
Похмелье похорон.

Оксюморон

Безумье ума,
Безволие воли,
Слепящая тьма –
Знакомо до боли.

Трусливая удаль,
Бессильный напор,
Спаситель-Иуда –
Все есть до сих пор.

В кипящем снегу
Искривляя дорогу,
Стоим на бегу
К сатанинскому богу.

Без нас

Планета наша в черной бездне
Несет сквозь холод звездный нас,
А мы живем все бесполезней,
Не поднимая к небу глаз,

Не веря, что предел отмечен:
Грибом огромным встанет грань
Меж миром тем, который вечен,
И тем, в котором гниль и дрянь.

Закончился трясинной топкой
Тысячелетий ручеек.
Кровавой каплей – красной кнопкой
Истек убитый нами срок.

И обожженную планету,
Легко летящую без нас,
Крестообразный хвост ракеты
Благословит в последний раз.

Ялю

Она из плоской глубины
Глядит в мои глаза.
Мне солнца свет – ей свет луны.
Мой смех – ее слеза.

Моя улыбка стоит ей
Отчаянья гримас.
Я стану в сотню раз сильней.
Она – слабей в сто раз.

В ответ на правду будет лгать.
Кричит – а я молчу.
Мне от нее не убежать...
Да я и не хочу.

Лучше не будет

«Могло быть и хуже» –
Тоскливая радость
Для тех, кто простужен,
Для тех, кому в тягость

Шторма и метели,
Дороги к вершине:
Мечтали, хотели,
Но не совершили.

И силы не гробят,
А душу застудят.
И хуже могло быть,
Да лучше не будет.

Империя дробей

Трех океанов берега
Могуче обнимая,
Размером в миллионы га
Лежит одна восьмая.

Во все концы ведут пути,
Проспекты и тропинки,
И мы идем, с мечтой найти
Вторые половинки.

Хоть горек опыт-акрихин,
Живем на всю катушку,
Черкнув случайные стихи
В бумаги четвертушку.

А в это время, полоня
Моря и континенты,
Растут, растут день ото дня
Всесильные проценты,

И в магазинном царстве цен
На памперсы и гробик,
На хлеб, на водку, на пурген –
Везде сплошные дробы.

Но сколько солнце ни циклоп,
Луна – второе око.
Пускай длинна, как вечность, дробь,

Да в ней немного прока.

А впрочем, самомнение в них
Еще длиннее даже.
О, сколько слышал я таких
Подробных инструктажей:

«Ты раздели, разрежь, разбей!
В одном делении – смысл...»
Растет империя дробей
На трупах целых чисел.

... И полон дом. И пир горой.
И возраст – не преклонный.
Но не хватает мне порой
Одной лишь миллионной.

С дробями вечная беда:
Им в сумму не сложиться.
И проба счастья, как всегда,
Чуть меньше единицы.

ОПТИМИСТ

Не любишь марши? Слушай блюз.
Но только хватит ныть:
Чем больше минусов, тем плюс
Сподручней смастерить.

Судьба не ведаёт клише,
Сплетая свой сюжет.
Сегодня – вечер на душе,
А завтра – вновь рассвет.

Пусть кто-то что-то недодал:
Счастлив не тот, кто сыт.
Чем дольше я поголодал,
Тем лучше аппетит.

Нам от ударов не уйти.
Пускай, упав на дно,
Я потеряю все пути.
Пускай! Но все равно

В последний путь, закрыв глаза,
Меня не провожай.
Сегодня – ливень и гроза,
А завтра – урожай.

Разбитых не люблю корыт
И верю лишь в любовь.
Сегодня в землю я зарыт,
А завтра – вырос вновь.

Множество правд

Все истина, где б ни жила:
Хоть в хижине, хоть во дворце.
Вокруг лишь одни зеркала,
Их чем-то завесят в конце.

И каждый по-своему прав:
Идущий наверх и ко дну.
Но только из множества правд
Тебе надо выбрать одну.

Потаенные реки

Мостом и плотиной не взнудана сроду,
Подстилкой ни разу не бывшая броду,
Неведомой людям подземной дорогой
Гуляет, как кошка, вода-недотрога.

Но если ковром расцветает живое,
Бросаясь под ноги зеленой травой,
А где-то – самум над барханом пустынным –
Все это лишь отзвук течений глубинных.

Пускай неподвижны бесстрастные своды –
Бурлят и клокочут подземные воды.
Все в мире непросто. В любом человеке
Незримо текут потаенные реки.

Манекены

Они, как Барби или Кены,
Правдоподобны и похожи;
Идут по жизни манекены,
Улыбкой лица искорежив.

Их идеальные фигуры
Стыда не ведают и краски.
На них гламурненькие дуры
Завистливо таращат глазки.

Они в толпе неотличимы,
И, к сожалению, все чаще
Мы, к ним спеша, проходим мимо
Людей живых и настоящих.

Не расплескать

Сгорит – из пепла не зови:
Не зря отмерен срок свечам.
Не расплескать бы нам любви
По каплям и по мелочам.

И, может, Бог иль кто там есть
Не скажет: «Что ж, живи опять».
Но все ж, пока еще мы здесь,
Нам век бы свой не расплескать.

Рассыплюсь

Неплохо было б на песке валяться
И созерцать – без спешки, без истерик –
Как волны пенный флаг капитуляций,
Вновь отступая, выбросят на берег.

Да только я и сам – волна всего лишь:
Ударившись о землю, я рассыплюсь
На брызги слез, что ты себе позволишь,
На пену слов и голоса осиплость.

Другое Место Дж. Б. Пристли

Я в сонном царстве сытых тел,
Где словно вечная сиеста,
Где вместо красок – бледный мел...
А я б хотел
в Другое Место.

Здесь льют бездонные дожди,
Мужчины рыхлые, как тесто,
А жены – в вечных бигуди...
А я б хотел
в Другое Место.

Там люди те же, но не те,
Там ждет меня моя невеста.
О, как бы я туда б хотел!
Но где оно,
Другое Место?

И грянул гром

Судьбу народов и людей
Вершит не Бог и не злодей.

Она висит на волоске.
Она – рисунок на песке.

Легла песчинка чуть не так –
Врагом стал друг, и другом враг.

Упала капелька дождя –
И нет всеильного вождя.

Взмахнула бабочка крылом –
И все не так... И грянул гром...

Движение

В болото – взгляд с презрением,
Любуемся – рекой.
Ведь жизнь – всегда движение,
А вовсе не покой.

Корабль не делай пристанью,
Держи открытой дверь.
Верь тем, кто ищет истину.
Тем, кто нашел – не верь.

Настоящее

Несчастный ли горе мыкает,
Творит ли счастливый гений,
А время идет владыкою
Под вечным дождем мгновений.

И только ухватишь за плащ его,
Как тут же меж пальцами брызнет
Стремительный миг настоящего,
Летящий со скоростью жизни.

Гора и долина

Высоко возносилась гора,
Рядом с ней простиралась долина,
И сказала гора ей: «Сестра!
Что же ты прозябаешь донныне?

Будь как я: гордо к небу тянись,
Чтоб на тучи глядеть сверху вниз!
О горах пишут песни поэты,
А долины никем не воспеты».

Отвечала долина ей в лад:
«После ливней из туч по весне
Все ручьи запоют, зазвенят,
От тебя убегая ко мне».

Где финиш?

Старт. Вперед! Дистанция отмерена,
И награды ближе с каждым метром...
Так в ушах гудел самоуверенно
Новичку коварный голос ветра.

Опыт в паре с возрастом не радуют:
Путь извилист – взглядом не окинешь.
Я петляю, задыхаюсь, падаю,
И не знаю: где же он, мой финиш?

Из чужих страниц вырезаю буквы

Из чужих страниц вырезаю буквы,
Но в чужих руках не поется горнам,
И ведь сколько б тех ни ломали рук вы,
Все равно одна перехватит горло.

Непохожа тень на источник тени,
И обман зеркал не узнаешь сразу.
Потянуть бы нить из чужих сплетений,
И в мозгу своем победить заразу.

Отсекая все, что казалось лишним,
От своей души, заточённой в бездну,
Я на миг себя возомнил Всевышним,
Краткий миг пред тем, как совсем исчезнуть.

Одна жизнь

1. Ему бы только спать... Да грудь еще.
Но – улыбается на ласку.
А я качу вперед и в будущее
Машину времени – коляску.

2. Белый дым изогнул лебединую шею,
Зябко прячет ее под крылом у земли.
– Что сынок?
– Пап, когда же я стану большее?
Белый пар изо рта, словно комикс, прочли
Те, кто смотрит на нас, даже если одни мы,
Притворяясь то облаком, то белым дымом.

3. Дни идут. Порой проходят мимо.
Жаль, что нам не избежать судьбы
Эскимо из тающего дыма,
Слизанного тучами с трубы.

4. «Не звонил опять сынок. Наверно, занят...»
Холодило кровь катетерное жало...
Только капельница редкими слезами
Эту душу в путь последний провожала.

Мотор сосет бензин похмельной жаждой

Мотор сосет бензин похмельной жаждой,
Шофер глазами к полосе прирос,
Мотается над выбоиной каждой
На лобовом повешенный Христос.

И в каждой вспышке встречных фар мелькают,
Как мошки, буквы – кто б их разглядел:
«Всплывем мы все когда-нибудь мальками
Из глубины планктонных наших дел.

Зачем тебе придуманное имя?
Ведь там, куда ты ангелом влеком,
Бодливая луна склонила вымя
Над пролитым по небу молоком».

Но веришь и в межзвездном разрежении,
В планету целя зрительной трубой,
Что твой небесный путь – лишь отражение
Земных дорог, проделанных тобой.

Все в жизни может стать судьбой

Лежит судьба, пока ничья,
Как груда кирпичей.
Построить стену вдоль ручья
Иль мост через ручей?

Душа – пылающая нить
Под воском толстых свеч.
Свечу над книгою склонить
Иль книгу ею сжечь?

Все в жизни может стать судьбой.
Так выбери свою!
Важней не «Выиграл ты бой?»,
А «Был ли ты в бою?».

А помнишь?

А помнишь, как мы спорили,
Копались в книгах истово,
Из той аудитории
Несли сиянье истины?

... А жизнь судьбой-дорогою
Не карту отмеряла...
Мы знали слишком многое,
Умели слишком мало.

Предсказатели

Люд столпившийся горько заплакал,
Стали каяться все на виду –
Возвестил им дельфийский оракул,
Что знаменья пророчат беду.

Оживают застывшие лица,
И решимостью снова полны –
О победе пришедшим молиться
Предрекают успехи войны.

Коль сбываются все предсказания,
То любой свято верить готов
Нам, жрецам в золотых одеяньях,
Толкователям воли богов.

Но из храма едва лишь мы выйдем,
Колют мысли упрямым гвоздем:
То ли будущность вправду предвидим,
То ли просто ее создаем...

В трамвае

Этого не знает червь бумажный,
Над трудами классиков зевая:
Я всей кожей чувствую сограждан
Утром в переполненном трамвае.

Вот где единение народа!
Ближе и теснее – не бывает –
При любых властях и сменах моды –
Утром в переполненном трамвае.

Пусть трясет нас, братцы, по ухабам,
Пусть кондуктор глотку надрывает –
Лишь бы уступали место слабым
В нашем переполненном трамвае.

Не подписывай картину

Холст упруг, словно канаты на ринге,
Сдался мир и лег рисунком, послушен.
Ты, художник, победил в поединке,
Но удар последний так ли уж нужен?

Ты ведь знаешь: все названия ложны,
Не скрутить им миллион разных нитей...
Не подписывай картину, художник!
Пусть увидит в ней свое каждый зритель.

Вот и все, что в мире происходит

Сколько в мире шума, суеты, неразберихи,
Разговоров на высокой ноте...
Все равно ведь каждый – горлопанистый и тихий –
Капелька воды в круговороте.

Нет в движенье вечном места аду или раю,
Все кантаты – сумма трех мелодий:
Люди лишь рождаются, живут и умирают...
Вот и все, что в мире происходит.

Ежедневное чудо

Не устал удивляться
Я обычным вещам:
Аромату акаций
И наваристым щам,

Появлению света
На небесной слюде,
Щебетанию с веток,
И рождению людей.

Происходит повсюду,
И далеко, и близ,
Ежедневное чудо
Под названием жизнь.

Пять истин

– Пять истин запиши в свою тетрадь:
Сильны те, кто не могут отступать;

Богаты, кто без денег проживут:
Нельзя отнять их знания и труд;

Мудры, кто не устраивают драк:
Ладонь вмещает больше, чем кулак;

Любимы, кто не требуют любви...
– А кто же счастлив? Эгих назови!

– А счастливы немногие, мой брат:
Любим, силен кто, мудр и богат.

Кем-то из них

Мы в юности часто мечтаем о славе
И в дар гениальность у Бога мы просим...
С годами яснее, что, верно, лукавый
Мыслишку титанами стать нам подбросил.

Вершины их – выше, но пропасти – глубже,
Хоть громче их песни, но часто – короче;
Едва лишь родился – в бессмертие тут же;
Да кто из нормальных такого захочет?

А мы-то с комфортом сидим в своих норах,
Скрипим потихоньку, детишек строгаем...
Но кем-то из них будет выдуман порох,
Вселенная будет открыта другая.

Марионетки

Жгло им пятки ребро монетки,
Но чего-то ища в зените,
Так цеплялись марионетки
За десяток незримых нитей.

Свято верили в то, что сверху
Их незримо ведут куда-то:
Ставят в планах за вехой веху,
Отмечают за датой дату.

Правда, знаешь, порой бунтуют:
«Бога нету! Разложим атом!»
Но лишь стоит вlepить Манту им
С положительным результатом –

Снова молятся все смутьяны;
Тишь да гладь после высшей кары...
И струятся потоки манны
Рядом с волнами от радаров.

...Только нити не вверх уходят,
А к таким же марионеткам:
Нет ни кучера у поводьев,
Ни тюрьмы – просто все по клеткам.

И одним не хватает хлеба,
А другим – вечеринки пенной...
А вверху – голубое небо,
А за ним – пустота Вселенной.

Два окна

Мудрец спросил ученика:

– Что видишь за окном?

– Течет свинцовая река,

Стоит угрюмый дом.

– Взгляни в окно второе, друг.

Что в нем увидишь ты?

– Вода лазурная вокруг,

И замок из мечты!

– Возьми-ка тряпку, ученик,

И к первому вернись,

И протирай так каждый миг

Стекло!

– Как долго?

– Жизнь...

Крысиные гонки

Чемпионы – всегда кумиры,
Воль и разумов сплав железный.
Но немало и тех турниров,
Где выигрывать – бесполезно.

Кто – неважно ведь: толстый, тонкий,
Волосатый, обритый, лысый –
Победитель в крысиной гонке
Все равно остается крысой.

Реклама похожа на шнек мясорубки

Реклама похожа на шнек мясорубки;
Но нам не почувствовать: мозг слишком жидок.
Мы вместо молитв совершаем покупки –
Паломники акций, фанатики скидок.

Витрины – иконы, а свечи – неоны,
И кассы готовы к принятию жертвы.
Божки-манекены глядят непреклонно,
Храня свою вечную тайну омерты.

А что же нас манит? Потребность в отдушке.
В глотке кислорода среди выхлопов будней.
Одни идут в храмы. Другие – в торгушки.
Где ж правда людей? Там ли, где многолюдней?

Сам

Пускай нельзя остановить
Несущий нас поток,
Но плот для близких сколотить,
Наверно б, каждый смог.

Зачем нам штопка черных дыр?
Громаден жизни круг.
Очерчен нам подвластный мир
Длиною наших рук.

Оставь извечным небесам
Спор истины и лжи.
Что можно сделать – сделай сам,
О прочем – не тужи.

Руками Родена

Я жизнь догола не раздену,
Не буду искать образец.
А время руками Родена
Ведет непреклонный резец.

Не жажду я дерзких открытий,
Свергающих старый канон,
Но жалко мне всеми забытый
Тот мрамор, что был отсечен.

Картины ждут

Здесь нет вдоль стен объемистых шкафов,
Наполненных вещами и вещичками,
Куда сто раз на дню залезть готов
Хозяин-скряга: опишь крыжить птичками.

Здесь нет удобных кресел, как в кино,
С подставкой под попкорн и спрайты с колами,
И что смотреть – сидящим все равно:
Придут пустыми и уходят полыми.

Нет, здесь нет ничего, кроме картин,
Все остальное – только обрамление,
И в каждой, словно мягкий пластилин,
Вселенные спрессованы в мгновения.

Картины – это окна в те миры,
Которых не достичь и за столетия.
Они ночами дремлют до поры,
Закрыв от темноты свои соцветия.

Но с первыми шагами в тишине
Картины снова ждут, как солнца лучика,
Тех взглядов, что найдут на полотне
Отверстие для золотого ключика.

Христу, приземлившемуся в Гродно (Посвящение В.С. Короткевичу)

Шли по дороге тринадцать
Вслед за одним:
Жулики, воры, паяцы,
Фокусник, мим.

Был среди них я, ломая
Ту же комедь...
Только дорожка кривая
Стала пряметь:

В жизнь превратились спектакли,
Правда сквозит
В прорезях масок. Не так ли,
Пан езуит?

Страх мой, зайчишкою порскни!
Нас не жалей!
Шли мы, а крест бутафорский
Все тяжелел.

Отсвет костра лег на лица,
Будто бы нимб.
К истине стоит рубиться
Следом за Ним.

Детское

У меня родился сын!

Я под дождиком косым
С непокрытой головой:
У меня родился сын –
Вот он, сверточек живой!

Сквозь оконное стекло
Ничего не разглядеть,
А на сердце так тепло,
И душа готова петь.

Пусть я мерзну дотемна
Здесь под дождиком косым...
Светит солнце из окна:
У меня родился сын!

Четыре зуба

Какие мы зубастые!
Как можем мы кусаться!
Пора зубною пастою
С избытком запастись.

Давай покажем ямочки,
Кружочком сложим губы
И улыбнемся мамочке
Во все четыре зуба!

Зверюшки спать хотят

У меня зверюшек много,
С ними весело играть!
Тут сказала мама строго:
«Не пора ли нам в кровать?»
Что же, ладно: спать, так спать,
Я не буду возражать.

Но мои зверюшки тоже
Устают и спать хотят.
Мама пусть со мной положит
Медвежат, зайчат, котят.
Покачала головой
Мама: «Выдумщик ты мой!

Неужели и лошадку,
И собачку уложить?»
Пусть улягутся в кроватку,
Места всем должно хватить.
Эй, зверята, спать идем!
Влезли все, хотя с трудом.

Не хватило мне подушки –
На мартышку лечь пришлось,
В спину слон уперся брюшком,
А в ногах улегся лось.
А енотик-полоскун
Спать мог только на боку.

Но уснули все зверята
Мигом в коечке моей.
Не беда, что тесновато,
Если тесно от друзей.
Плюшевые спят друзья...
А сейчас усну и я!

Грибы

1. Этот дождик так мал,
Он почти что и не был.
Он не шел, а хромал,
Еле капая с неба.

Мы не прятали лбы
От бесшумной капли,
И одни лишь грибы
Дружно шляпы надели.

2. Под березой – подберезовик,
Под осиной – подосиновик,
Между ними в шляпке розовой
Мухомориха красивая.

На пеньке – опенок маленький,
А пудовые – хоть взвешивай!–
Грузди сели на завалинку
У кривой избушки лешего...

Заботливый Леший

Леший ступает по тропкам заветным,
Чащи свои обходя.
Здесь его дом, для чужих незаметный,
Выстроен был без гвоздя.

Все его любят – от мышки до лося,
Даже медведи – и те,
И отовсюду сороки приносят
Вести на длинном хвосте.

Там родничок забивается грязью,
Тут может вспыхнуть пожар.
Здесь браконьеры в лесу безобразят,
В страхе зверюшек держа.

Сдвинет он грозно кустистые брови
И браконьеров пугнет,
Чей-то окурок отброшенный словит
И с родника снимет гнет.

Всюду успеет заботливый леший,
Даже в глухие углы.
Плачут деревья – а он их утешит,
Вытрет слезинки смолы.

Ляжет, устав, на зеленую простынь
Мшистые веки прикрыть...
Он-то ведь знает, как это непросто –
Лесу хозяином быть.

Это я ведь виноват

По двору носился вскачь
Озорной веселый мяч:
Распугал ворон в округе,
Под крыльцо загнал котом.
Полон воздухом упругим,
К приключениям готов!

Вдруг раздался звон стекла...
Что такое? Вот дела!
Это мяч влетел в окошко,
Стекла вдребезги разбил.
Позвала хозяйку кошка:
«Муррр! Что мячик натворил!»

Та, в окно просунув нос,
Грозно задала вопрос
Детворе, что там играла:
«Кто попал в окно мячом?»
А в ответ ей прозвучало:
«Сам попал! Мы ни при чем!»

«Вот вы как? И каждый рад
Крикнуть «мячик виноват»?
Что ж, раз он такой неловкий,
Накажу его! И впредь
Будет в запертой кладовке
В темноте ваш мяч сидеть!»

Пригорюнясь, детвора
Расходилась со двора.
Шел и я домой невесел,
Стыд горел во мне, как жар:
Это я мячом навесил
Злополучный тот удар...

Мяч – мой друг, а я его
В горе бросил одного.
Мы с ним вместе мчались к сетке
Между двух высоких штанг...
Он один сидит, как в клетке –
Разве с другом можно так?

Нет, пошел я не домой –
Я нажал звонок чужой.
Дверь открылась. Миг расплаты!

Я сказал, не пряча взгляд:
«Мяч у вас не виноватый –
Это я ведь виноват!»

Хобот свой не суй, куда попало!

«Хобот свой не суй, куда попало!» —
Так слоненка мама поучала.
«Должен любознательным быть он!» —
Возражал на это папа-слон.

Доярка

Заглянет Зорька ей в окно,
Боднет легонько подоконник...
Травую пахнет молоко,
Стекаая струйками в подойник.

Коровы – гордые княжны:
Им дойка – как прием для свиты.
Привычны руки и нежны,
Хоть сплошь мозолями покрыты.

Пускай работа нелегка,
Зато и знает лишь доярка,
Как солнце в струях молока
Играет лучиками ярко.

Сумерки. Синий стих

Свет струиться стал слабей,
Смолкнет сонный соловей,
Серп, сужаясь, серебрится,
Слезы свечек, скатерть ситца...
Сколько соткано сетей!
Старый сад. Семь смутных строчек.
Слушай сказку, спи, сыночек.

Бабушка

С утра пораньше в выходной встает,
Для внуков не жалея сон короткий,
И маленькие солнышки печет
На старенькой чугунной сковородке.

ВРЕМЕНА ГОДА

Летний ливень

Небо выдохнуло тяжело,
Посмотрело вниз с досадой
И мою пятиэтажку
Обнесло живой оградой

Водяных бесчисленных нитей
Впечатляющего вида.
За порог теперь не выйти.
Посмотрю – и все же выйду

Прочь! Из тесноты квартиры,
От насиженного кресла.
Обнимусь с водой небесной,
Успокою слезы мира...

Я промок, но не простужен.
Дождь в асфальтовую прорубь
Убежал, и в теплых лужах
Солнце плещется, как голубь.

Затихли гремевшие гирями грозы

Затихли гремевшие гирями грозы –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.